

ментального господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлась наша страна. Стремясь за счёт вооружённой экспансии и захвата новых сырьевых рынков преодолеть последствия мирового экономического кризиса, именно Япония 18 сентября 1931 года начала военные действия в Маньчжурии и разожгла в Азиатско-Тихоокеанском регионе первые очаги гигантского мирового пожара, который с 1 сентября 1939 года именовали Второй мировой войной.

При выработке направлений внешней политики Японии учитывались события, происходившие в Европе, и... наоборот. Например, политика «умиротворения» агрессоров (поощрения их к войне против СССР), проводившаяся ведущими державами мира и известная как «мюнхенский сговор», родилась не в немецком городе, а на Дальнем Востоке, и не в сентябре 1938 года, а шестью годами ранее, когда в ночь с 18 на 19 сентября 1931 года Япония вторглась в суверенное государство и развернула агрессию в трёх северо-восточных провинциях Китая, в результате чего к январю 1932 года агрессору были сданы Маньчжурия, а впоследствии и весь Северо-Восточный Китай. 7 июля 1937 года против этой древнейшей страны была развёрнута тотальная война, унёсшая за 14 лет жизни более 35 млн человек². Особенную роль в поощрении японской агрессии сыграла Великобритания, пойдя 22 июля 1939 года, в разгар вооружённого конфликта у р. Халхин-Гол, на заключение так называемого соглашения Х. Арита — Р. Крейги, вошедшего в историю как «дальневосточный Мюнхен». В нём Лондон признавал «специальные нужды» (захваты) Японии в Китае и гарантировал своё невмешательство в действия её оккупационных властей³.

В результате на Дальнем Востоке образовался опасный очаг войны. Японский капитал, политика и вооружённые силы прочно обосновались в Маньчжурии, фактически контролируя территорию в 2 млн кв. км, на которой проживали около 30 млн китайских граждан⁴. К общепринятой дате начала Второй мировой войны японцы контролировали уже более 25 проц. всей территории Китая с численностью около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения и свидетельствовало о том, что была оккупирована и нещадно эксплуатировалась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее заселённая и развитая часть страны⁵.

Между тем в странах Запада считали, что действия Японии в Маньчжурии приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть (что особенно ожидалось), и к крупномасштабному столкновению двух соседствующих стран. Для Вашингтона и имевших значительные интересы в Китае Лондона, Парижа и Гааги важно было направить японскую экспансию именно на север, против СССР, а не на юг, против собственных колоний. Аналогичными были подходы к оценке агрессивных акций Германии и её союзников. Всё это вместе взятое сформировало у советского руководства устойчивое недоверие к политике западных держав и означало для СССР лишь одно — рост угрозы военного нападения как в Европе, так и в Азии. Исходя из этого, конкретизировались и задачи отечественным органам госбезопасности.

У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи

с Россией», не была, если не учитывать пропагандистской риторики, идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора стали сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) более «удобных» и слабых стран.

Нападение Германии на Советский Союз создало благоприятные возможности для практической реализации территориальных притязаний Японии. Уже 22 июня 1941 года глава японского МИД Ё. Мацуока заверил посла Германии в Токио Э. Отта в том, что он «лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте». 25 июня он же на запрос советского посла в Токио К.А. Сметанина о позиции Японии недвусмысленно подчеркнул, что «если настоящая война и пакт о нейтралитете⁶ будут находиться в противоречии с Тройственным пактом⁷, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы»⁸.

Как показало дальнейшее развитие событий, подписание в апреле 1941 года советско-японского пакта о нейтралитете ни в коей мере не отразилось на темпах военных приготовлений Японии. И это нашло отражение в документах послевоенного Токийского трибунала. «Нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР, — констатируется в Приговоре Трибунала, — в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР. Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом, оказывала значительную помощь Германии»⁹. За четыре года со времени подписания пакта части и подразделения Квантунской группировки войск (КГВ) 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолёты ВВС 433 раза вторгались в воздушное пространство СССР¹⁰.

По мере приближения гитлеровских войск к Москве в военно-политическом руководстве Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР на стороне стран «оси». Главными препятствиями этому, по мнению японского руководства, являлись временная неготовность страны к такой войне и неясность развития хода советско-германской войны. Таким образом, нападение на СССР ставилось в зависимость от коренного улучшения стратегической обстановки на Восточном фронте в пользу войск гитлеровской коалиции. Руководство Японии рассчитывало, что «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооружённой силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ»¹¹.

В Токио учитывали настойчивое давление германской стороны, но всё же решили подождать сообщений с Восточного фронта о более убедительных победах стран «оси»¹². Вместе с тем Япония оказывала значительную помощь Германии, в т.ч. в осуществлении разведывательно-подрывной деятельности против СССР.

Как показывают трофейные японские документы, уже 4 июля 1941 года помощник японского военного атташе в Германии, резидент в Берлине по СССР полковник Х. Ямамото явился к начальнику отдела Абвер-II (теракты, диверсии и выполнение особых задач) полковнику Э. Лахузену и пообещал, что ГШ